

МЕЧИ ЛАНКМАРА

— Насколько я понимаю, нас ждут, — сказал коротышка, продолжая идти вдоль очень древней и высокой стены к широким распахнутым воротам. Словно ненароком рука его скользнула по рукоятке тонкого меча.

— Как ты ухитрился на расстоянии полета стрелы... — начал было гигант, но осекся. — А, понял. Оранжевый головной платок Башабек. Режет глаз, как шлюха в храме. А где Башабек, там и его молодчики. Не надо тебе было прекращать платить взносы Цеху Воров.

— Да тут дело не только во взносах, — отозвался коротышка. — У меня начисто вылетело из головы, что нужно поделиться с ними добычей, когда я стянул те восемь бриллиантов из храма Паучьего Бога.

Гигант неодобрительно прищелкнул языком:

— Никак не могу понять, почему я связался с таким бесчестным мазуриком, как ты.

Коротышка пожал плечами:

— Я торопился. За мной гнался Паучий Бог.

— Ага, я помню: он высосал кровь из твоего напарника, который стоял на стреме. Но теперь-то у тебя есть бриллианты, чтобы расплатиться?

— Мой кошель не толще твоего, — заявил коротышка. — А у тебя он не толще бурдюка в похмельное утро. Если, конечно, ты кой-чего не зажал, о чем я подозреваю уже давно. Да, кстати: вон тот безобразно жирный тип, стоящий между двумя мордоротами, — не хозяин ли это таверны «Серебряный угорь»?

Верзила прищурился, кивнул, потом укоризненно покачал головой:

— Поднимать такой шорох из-за какого-то паршивого счета за бренди!

— Да уж, тем более что счет этот всего в ярд длиной, — согласился коротышка. — Что из того, что ты вдобавок расколотил и сжег два бочонка бренди, когда скандалил вчера вечером в «Угре»?

— Когда в кабацкой драке на тебя лезут вдесятером, приходится прибегать к любым подручным средствам, — возразил гигант. — И согласись, они порой бывают нетрадиционными.

Он снова, прищурившись, взглянул на кучку людей, стоявших в открытых воротах, и, немного помолчав, добавил:

— Там, кажется, и кузнец Ривис Райтби... и вообще почти все, кому могли задолжать в Ланкмаре два приличных человека. И с каждым наемный мордovorот, а то и не один. — Гигант, словно бы невзначай, попробовал, легко ли выходит из ножен его громадный клинок — тонкий, но тяжелый, словно двуручный меч. — Скажи, когда мы в прошлый раз уходили из Ланкмара, ты-то хоть уплатил по каким-нибудь счетам? У меня тогда не было ни гроша, но у тебя должны были оставаться деньги после работы на Цех Воров.

— Я сполна расплатился с Джохом Ловкие Пальцы за починку плаща и за новую куртку из серого шелка, — быстро отозвался коротышка и тут же нахмурился. — Может, я заплатил еще кому-то, то есть точно, что заплатил, но вот не припомню кому... А скажи: та мосластая рыжая девица — ну вот та, что прячется за элегантным человеком в черном, — это не с ней ли у тебя были тогда неприятности? Ее рыжие лохмы бросаются в глаза как... как черт знает что. А вон еще три — тоже выглядывают из-за своих вооруженных спутников, — разве не было у тебя неприятностей и с ними, когда мы покидали Ланкмар?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под неприятностями, — пожаловался гигант. — Я спас девушек от их покровителей, которые обращались с бедняжками просто по-хамски. Уверяю тебя, когда я наказывал их сутенеров, девушки очень весело смеялись. А потом я обращался с ними просто как с принцессами.

— Это уж точно, и потратил на них все деньги и драгоценности, что у тебя были, потому и остался без гроша. Но ты не сделал для них одного — не стал сам их покровителем. Поэтому им пришлось вернуться к своим прежним сутенерам, и теперь им остается лишь держать на тебя зуб.

— Чтобы я стал сутенером? — возмутился верзила. — О женщины!.. Но я вижу в толпе и твоих девушек. Забыл с ними расплатиться?

— Нет, взял у них в долг и позабыл вернуть, — пояснил коротышка. — Ну-ну, делегация по встрече, похоже, в полном составе.

— Говорил я тебе, нужно было войти в город через Главную заставу, там мы сразу затерялись бы в толпе, — проворчал верзила. — Так ведь нет: я сдуру послушал тебя и пошел через эту забытую богом Крайнюю заставу.

— А вот и нет, — отозвался собеседник. — У Главной заставы мы не смогли бы отличить наших недругов от простых прохожих. А здесь мы по крайней мере знаем, что все против нас, если не считать стражи сюзерена, на которую, впрочем, я тоже не очень бы полагался: ее могли подкупить, чтобы она закрыла глаза, когда нас будут убивать.

— Ну почему ты решил, что им так уж хочется нас убить? — возразил гигант. — Они должны считать, что мы возвращаемся домой с богатейшими сокровищами, добытыми в самых разных концах света во всяких заварухах. Конечно, кое-кто может иметь против нас что-то личное, однако...

— Они же видят, что за нами не движется вереница носильщиков или тяжело нагруженных мулов, — рассудительно перебил коротышка. — Как бы то ни было, они полагают, что, убив нас, смогут поделить между собой ценности, если таковые у нас окажутся. Обычное дело, так поступают все цивилизованные люди.

— Цивилизация! — презрительно хрюкнул верзила. — Я порой удивляюсь...

— ...зачем тебе потребовалось пересечь горы Пляшущих Троллей, отправиться на юг, подстричь бороду и узнать, что бывают девушки с безволосой грудью? — докончил коротышка. — Послушай, мне кажется, что наши кредиторы и прочие недоброжелатели взяли себе в подмогу и третье «м», кроме мечей и мускулов.

— Ты имеешь в виду магию?

Достав из мешка моток тонкой желтоватой проволоки, коротышка ответил:

— Не будь эти два седобородых типа в окнах второго этажа чародеями, они ни за что не стали бы так злобно пялиться на нас. И потом, на хламиде у одного из них я заметил астрологические знаки, а в руке у другого — волшебную палочку.

Путники приблизились к заставе уже достаточно, чтобы острый глаз мог разглядеть такие подробности. Стражники в вороненых доспехах торчали, как столбы, бесстрастно опершись на копья.

Лица людей, стоявших за воротами, были тоже бесстрастны, и только девицы улыбались язвительно и злорадно.

Верзила сварливо проговорил:

— Значит, они попытаются разделаться с нами с помощью чар и заклятий. А если не получится, в ход пойдут дубинки и всяческое режущее и колющее оружие. — Он покачал головой. — Столько ненависти из-за жалкой кучки монет. Ланкмарцы неблагодарны. Они не ценят той атмосферы, какую создаем мы в городе, не понимают, как мы щекочем им нервы.

Коротышка пожал плечами:

— На сей раз они решили пощекотать нас. Такое вот своеобразное гостеприимство. — Своими ловкими пальцами он скрутил на конце проволоки затяжную петлю и замедлил шаг. — Разумеется, — заметил он, — мы не обязаны возвращаться в Ланкмар.

Верзила разозлился:

— Нет, обязаны! Повернуть сейчас назад было бы трусостью. К тому же нам больше нечего делать.

— Ну, не исключено, что какие-нибудь приключения остались и за пределами Ланкмара, — мягко возразил коротышка, — правда лишь несерьезные, для людей трусоватых.

— Не исключено, — согласился верзила, — однако и крупные и мелкие всегда начинаются в Ланкмаре. Что ты собираешься делать с этим проводом?

Коротышка затянул петлю вокруг навершия рукоятки своего меча и, оставив гибкую проволоку волочиться по земле, пояснил:

— Я заземлил меч. Теперь любое смертельное заклятие, ударив в мой обнаженный клинок, уйдет в землю.

— И матушка-земля чуть поежится? Смотри не наступи на проволоку.

Предупреждение было весьма к месту: проволока тянулась за мечом ярдов на десять.

— Сам не наступи. Это меня Шильба научил.

— Ох уж эта твоя болотная крыса, вообразившая себя чародеем! — язвительно воскликнул гигант. — Почему он сейчас не с нами — мог бы сделать несколько контрзаклятий.

— А почему не с нами твой Нингобль? — спросил в ответ коротышка.

— Он слишком толст, ему трудно путешествовать. — В этот миг путники уже проходили мимо невозмутимых стражников. Зло-

вещая атмосфера за воротами уже стучалась буквально на глазах. Внезапно верзила широко ухмыльнулся приятелю. — Давай не станем наносить им слишком уж серьезных ран, — предложил он зычным голосом. — Я не хочу, чтобы наше возвращение в Ланкмар было хоть чем-то омрачено.

Едва путники ступили в пространство, окруженное недоброжелательными лицами, как незамедлительно разразилась буря. Чародей в балахоне со звездами завыл, как волк, и, воздев руки, выбросил их в сторону коротышки с такой силой, что, казалось, его кисти неминуемо должны были оторваться и улететь. Однако они не улетели, а из его растопыренных пальцев вырвался столб голубоватого огня, призрачного в ярком солнечном свете. Выхватив меч, коротышка направил его кончик на чародея. Голубое пламя протрещало вдоль клинка и явно ушло в землю, потому что коротышка ощутил в руке лишь мгновенную дрожь.

Чародей, по-видимому лишенный воображения, повторил маневр с тем же результатом и воздел руки в третий раз. Но теперь коротышка уловил ритм его движений и, когда руки чародея опустились, взмахнул длинной проволокой, так что она хлестнула по лицам и телам головорезов, окружавших оранжево-тюрбанного Башабека. Голубое пламя, или что там это было, с треском разрядилось в молодчиков, и те, заверещав, рухнули в корчах на землю.

Между тем второй чародей метнул в гиганта свою волшебную палочку, за ней последовали еще две, которые он, казалось, извлек прямо из воздуха. Верзила, с невероятной быстротой выхватив свой чудовищный меч, стал ждать приближения первой палочки. К его удивлению, в полете она превратилась в серебристого ястреба, выставившего вперед для атаки серебристые же когти. При еще более внимательном рассмотрении она превратилась в длинный серебристый нож с крылышками по бокам.

Нимало не смущенный этими чудесами, верзила, действуя громадным мечом с такой легкостью, словно это была фехтовальная рапира, ловко отразил его концом летящий кинжал, и тот вонзился в плечо одного из головорезов, сопровождавших хозяина «Серебряного угря». Со вторым и третьим кинжалами он обошелся тем же манером, и в результате еще два его недруга получили болезненные, однако несмертельные раны.

Они взвыли и тоже рухнули, причем не столько от боли, сколько от ужаса перед таким сверхъестественным оружием. Но не успе-

ли они долететь до земли, как верзила, выхватив из-за пояса нож, метнул его левой рукой в своего противника — чародея. Седобородый то ли был убит наповал, то ли успел уклониться, но, во всяком случае, тут же пропал из виду.

Тем временем первый чародей, скорее всего из упрямства, направил в коротышку четвертый разряд, но тот, взмахнув проводом заземления, хлестнул им по окну, откуда вылетела голубоватая молния. Неизвестно, попал он прямо в седобородого или только в раму; во всяком случае, послышался громкий треск, оглушительное блеяние, и первый чародей тоже исчез.

Надо отдать должное собравшимся у ворот телохранителям и наемным убийцам: буквально через два удара сердца после столь блистательного отражения чародейских атак они, понукаемые своими нанимателями (а сводники — своими девками), бросились вперед, топча раненых и неистово размахивая своим колющим, режущим и оглушающим оружием. Разумеется, их было не менее пятидесяти против двоих, но и тут от них потребовалась известная отвага.

Коротышка и верзила, молниеносно встав спина к спине, проворно заработали оружием, отражая первый натиск и стараясь скорее нанести как можно больше легких ран, нежели поражать противника наверняка. У верзилы появился в левой ладони топор с короткой ручкой, обухом которого он для разнообразия легонько прохаживался по черепам, а коротышка, в дополнение к своему дьявольски колючему мечу, вооружился длинным ножом, которым действовал так же ловко.

Поначалу численный перевес нападавших только мешал им, поскольку они путались друг у друга под ногами, тогда как оборонявшейся парочке более всего угрожало быть заваленной массой своих раненых недругов, которых толкали в спину товарищи по оружию. Через какое-то время бой принял осмысленный характер, и начало казаться, что верзиле и коротышке придется перейти к более опасным ударам и что даже это, вероятно, им не поможет. Звон закаленной стали, топот тяжелых башмаков, яростные рыки, вырывавшиеся из плотно сжатых ртов, и возбужденное верещание девиц слились в такой невообразимый шум, что стража у ворот стала беспокойно озираться по сторонам.

Но тут надменному Башабеку, который соизволил наконец лично принять участие в схватке, верзила неуловимым движением топора снес ухо и несколько повредил ключицу, и к тому же деви-

цы прониклись романтичностью всего происходящего и принялись подбадривать отбивающуюся парочку, что надломило боевой дух как сводников, так и головорезов.

Атакующие уже готовы были удариться в паническое бегство, когда внезапно на улице, ведшей к площади перед заставой, зазвенели шесть труб. Их пронзительные звуки ударили по изрядно потрепанным нервам нападавших, и те вместе со своими нанимателями бросились врассыпную, причем сводники не забыли утянуть за собой предательниц-шлюх, а поверженные наземь молниями и летучими кинжалами мордovorоты кое-как заковывляли следом.

В скором времени площадь опустела, если не считать двух победителей, шеренги трубачей у начала улицы и стражников за воротами, смотревших в противоположную сторону, словно ничего и не случилось, а также сотни, если не больше, пар крошечных и искрасна-черных, как дикая вишня, глазок, которые внимательно наблюдали за происходящим из-под решеток сточных люков, из дыр в стенах и даже с крыш. Но кто же берет во внимание или даже просто замечает крыс — тем более в таком древнем и населенном таким количеством паразитов городе, как Ланкмар?

Гигант и коротышка еще несколько ударов сердца свирепо оглядывались, потом, переведя дух, оглушительно расхохотались, спрятали в ножны оружие и устались на трубачей спокойно, но не без любопытства.

Трубачи расступились по обе стороны улицы, ряд копейщиков за ними повторил тот же маневр, и вперед вышел почтенный, чисто выбритый, строгого вида человек в черной тоге, окаймленной узкой серебристой лентой.

Полным достоинства движением он поднял руку и серьезно проговорил:

— Я — гофмейстер Глипкерио Кистомерсеса, ланкмарского сюзерена, и вот эмблема моей власти.

С этими словами он продемонстрировал небольшой серебряный жезл с пятиконечной бронзовой морской звездой на конце.

Приятели чуть кивнули, словно желая сказать: «Ладно, верим тебе на слово».

Повернувшись к верзиле, гофмейстер достал откуда-то из тоги свиток, развернул его, быстро пробежал текст и осведомился:

— Это ты — Фафхрд, варвар с севера и скандалист?

Немного подумав, гигант ответил:

— А если и так, то что же?

Гофмейстер снова справился о чем-то в своем пергаменте и повернулся к коротышке:

— А ты — прошу меня извинить, но тут так написано — тот самый ублюдок, которого давно подозревают в грабежах, воровстве, мошенничествах и убийствах и прозывают Серым Мышеловом?

Коротышка сдвинул на затылок капюшон и сказал:

— Может, это и не ваше дело, но мы с ним известным образом связаны.

Как будто столь уклончивых ответов оказалось достаточно, гофмейстер, дав пергаменту со щелчком свернуться в трубочку, закрутил его назад в тогу и проговорил:

— В таком случае мой владыка желает вас видеть. Вы можете оказать ему услугу, весьма выгодную и для вас тоже.

Серый Мышелов поинтересовался:

— Ежели всемогущий Глипкерио Кистомерсес имеет в нас нужду, то как же он допустил, чтобы на нас напали и чуть не убили хулиганы, только что сбежавшие отсюда?

Гофмейстер ответил:

— Если бы вы позволили убить себя подобной шпане, то уж наверняка не справились бы с заданием, вернее, с поручением, которое имеет в виду мой повелитель. Однако время не ждет. Следуйте за мной.

Фафхрд и Серый Мышелов переглянулись, дружно пожали плечами, а затем кивнули. Чуть важничая, они двинулись за гофмейстером, копейщики и трубачи зашагали рядом, и вскоре вся процессия ушла тем же путем, которым и пришла. Площадь опустела.

Если не считать, разумеется, крыс.

2

По-матерински ласковый западный ветерок задувал в коричневые треугольные паруса, и стройная боевая галера вместе с пятью пузатыми судами-зерновозами, находясь в двух сутках пути от Ланкмара, плавно двигались в кильватерном строю по Внутреннему морю древней страны Невон.

Клонился к вечеру один из тех погожих голубых дней, когда море и небо, окрашенные одним цветом, неоспоримо доказывают спра-

ведливость гипотезы, взятой недавно на вооружение ланкмарскими философами: дескать, Невон — это гигантский пузырь, поднявшийся из вод вечности вместе с континентами, островами и огромными самоцветами, которые ночью превращаются в звезды и плавают по внутренней поверхности этого пузыря.

Сидевший на юте последнего и самого большого из зерновозов Серый Мышелов выплюнул за подветренный борт шкурку от сливы и расхвастался:

— В Ланкмаре нынче не жизнь, а малина! Не успели мы после многомесячных скитаний вернуться в Город Черной Тоги, как тут же получили непыльную работенку от самого сюзерена, причем с оплатой вперед.

— Мне уже давно не внушают доверия всякие непыльные работенки, — зевнув, отозвался Фафхрд и пошире распахнул свою подбитую мехом куртку, чтобы мягкий ветерок поглубже проник в заросли у него на груди. — Вдобавок нас выставили из Ланкмара столь поспешно, что мы не успели даже засвидетельствовать свое почтение дамам. Однако должен признать, что могло быть и хуже. Тугой кошель — лучший балласт для любого двуногого корабля, особенно если у него есть каперское свидетельство, дающее ему право действовать против дам.

Шкипер Слинур со скрытым одобрением посмотрел на гибкого человечка в сером и его франтоватого высокого приятеля-варвара. Шкипер «Каракатицы» был холеный человек средних лет, одетый во все черное. Он стоял подле двух мускулистых босых матросов в черных куртках, которые крепко держали громадное рулевое весло «Каракатицы».

— И что вам, мошенники, известно об этой непыльной работенке? — мягко поинтересовался Слинур. — Вернее, что сообщил вам благороднейший Глипкерио относительно цели и темной предыстории этого путешествия?

После двух суток спокойного плавания неразговорчивому шкиперу захотелось наконец обменяться если не мнениями, то хотя бы сомнениями и полуправдами.

Из висевшей у гакаборта сетки Мышелов с помощью кинжала, который он называл Кошачьим Когтем, выудил еще одну фиолетово-черную сливу и, не раздумывая, ответил:

— Этот флот сюзерена Глипкерио везет зерно в подарок Морварлу из Восьми Городов за то, что тот выгнал мингольских пира-

тов из Внутреннего моря и, возможно, отвратил нападение степных минголов на Ланкмар через Зыбучие земли. Моварлу нужно зерно для своих фермеров и охотников, превратившихся в горожан и солдат, и особенно для армии, которая как раз сейчас освобождает пограничный город Клелг-Нар от мингольской осады. А мы с Фафхрдом, если можно так выразиться, небольшой, но сильный арьергард, которому поручено проследить за зерном и другими более деликатными частями дара Глипкерио.

— Ты имеешь в виду этих? — Слинур указал большим пальцем на левый борт.

Под словом «эти» он имел в виду дюжину больших белых крыс, сидевших в четырех серебряных клетках. Благодаря шелковистым шубкам, белым кругам вокруг глаз и в особенности короткой и вздернутой верхней губе, из-под которой у каждой торчали два длиннющих резца, крысы напоминали компанию высокомерных и скучающих потомственных аристократов; с поистине аристократической скукой в глазах следили они за тощим черным котенком, который сидел, вцепившись когтями в поручень правого борта, словно желая держаться от крыс подальше, и изучал их издали с весьма обеспокоенным видом.

Фафхрд протянул руку и почесал котенку загривок. Тот выгнул спину, на миг забывшись в этом чувственном наслаждении, но тут же отодвинулся в сторону и снова стал озабоченно пялиться на крыс, как и оба рулевых в черных куртках, которые, казалось, были возмущены и вместе с тем напуганы необычными пассажирами с юта.

Мышелов облизал с пальцев сливовый сок и ловко подхватил языком капельку, грозившую сбежать вниз по подбородку.

— Нет, я имею в виду, главным образом, не этих породистых подарочных крыс, — ответил он шкиперу и, неожиданно присев, значительно прикоснулся пальцами к надраенной дубовой палубе, после чего пояснил: — Я, главным образом, имею в виду ту особу, что находится сейчас внизу, ту, что выгнала тебя из шкиперской каюты, а теперь настаивает на том, что этим крысам нужно солнце и свежий воздух, — по-моему, странный способ ублажать хищников, живущих в темных норах.

Кустистые брови Слинура поползли вверх. Он подошел поближе и зашептал:

— Ты полагаешь, что барышня Хисвет не просто сопровождает крыс, а сама является частью дара Глипкерио Моварлу? Но она же дочь самого крупного ланкмарского зерноторговца, который разбогател, продавая Глипкерио хлеб.

Мышелов загадочно усмехнулся, но ничего не ответил.

Слинух нахмурился и зашептал еще тише:

— А ведь верно, я слышал, поговаривали, будто ее отец Хисвин уже подарил свою дочь Глипкерио, чтобы заручиться его покровительством.

Фафхрд, который попытался снова погладить котенка, но лишь загнал его за бизань-мачту, услышав последние слова, обернулся.

— Да ведь Хисвет еще ребенок, — укоризненно проговорил он. — Девушка весьма чопорная. Не знаю, как там насчет Глипкерио, он показался мне большим развратником (в Ланкмаре это не было оскорблением), но ведь Моварл — северянин, хотя и житель лесов, и, я уверен, любит лишь статных и дородных женщин.

— То есть женщин в твоём вкусе, да? — заметил Мышелов, глядя на Фафхрда из-под полуприкрытых век. — Желательно поупитаннее?

Фафхрд сморгнул, словно Мышелов ткнул его пальцем под ребро. Потом пожал плечами и громко спросил:

— А что в них особенного, в этих крысах? Они умеют делать всякие штуки?

— Ага, — с омерзением подтвердил Слинух. — Они играют в людей. Хисвет научила их танцевать под музыку, пить из кубков, держать крошечные копыта и мечи, даже фехтовать. Сам я этого не видел и видеть не хочу.

Нарисованная шкипером картина поразила воображение Мышелова. Он представил, что стал ростом с крысу, дерется на поединках с крысами, которые носят кружевные жабо и манжеты, крадется по лабиринтам их подземных городов, становится большим любителем сыров и копченостей, начинает обхаживать какую-нибудь стройную крысиную королеву и, когда муж, крысиный король, застаёт их врасплох, дерется с ним в темноте на кинжалах. Но тут Мышелов заметил, что одна из крыс пристально смотрит на него через серебряные прутья ледяными, нечеловеческими голубыми глазами, и мысль эта ему тут же разонравилась. Несмотря на теплое солнышко, он вздрогнул.

Слинур между тем сказал:

— Не должны животные изображать людей.

И шкипер «Каракатицы» устремил мрачный взгляд на безмолвных белых аристократов.

— А вы слышали легенду о... — начал было он, но умолк и покачал головой, как будто решив, что это будет уже слишком.

— Парус! — раздался крик из «вороньего гнезда». — Черный парус с наветренного борта!

— Что за судно? — крикнул в ответ Слинур.

— Не знаю, шкипер. Видна только верхушка паруса.

— Не спускай с нее глаз, парень, — скомандовал Слинур.

— Слушаюсь, шкипер.

Слинур принялся расхаживать взад и вперед по палубе.

— У Моварла паруса зеленые, — задумчиво проговорил Фафхрд.

Слинур кивнул.

— У илтхмарцев белые. У пиратов в основном красные. Когда-то черные паруса были у ланкмарцев, но теперь их поднимают лишь на погребальных барках, которые далеко от берега не отходят. По крайней мере, я никогда не слышал...

Мышелов перебил:

— Ты говорил тут что-то о темной предыстории этого плавания. Почему темной?

Слинур подвел друзей к гакаборт, подальше от крепышей-рулевых. Проходя под румпелем, Фафхрд вынужден был пригнуться. Склонив друг к другу головы, все трое уставились на бурун за кормой.

Наконец Слинур проговорил:

— Вас долго не было в Ланкмаре. А вам известно, что это не первый караван с зерном, отправленный к Моварлу?

Мышелов кивнул:

— Нам говорили, что был еще один. Но он исчез, попал в шторм, я думаю. Тут Глипкерио что-то натемнил.

— Их было два, — лаконично отозвался Слинур. — Пропали оба. Бесследно. И шторм тут ни при чем.

— А что же тогда? — спросил Фафхрд и оглянулся на расписавшихся крыс. — Пираты?

— Моварл к тому времени уже отогнал их далеко на восток. Оба каравана, как и наш, шли под конвоем галеры. И оба вышли

в хорошую погоду с попутным западным ветром. — Слинур тонко улыбнулся. — Глипкерио, понятное дело, не сказал вам об этом — боялся, что вы откажетесь. Мы, как моряки и ланкмарцы, должны выполнять свой долг и стоять за честь города, но в последнее время у Глипкерио были трудности с подбором специальных агентов, которых он любит посылать на задания как запасную силу. У него, конечно, варят мозги, у этого нашего сюзерена, хотя он использует их, в основном чтобы мечтать о посещении иных вселенских пузырей в водолажном колоколе или водонепроницаемом корабле, а сам между тем развлекается с дрессированными девицами, наблюдает за дрессированными крысами, откупается от врагов Ланкмара золотом и расплачивается с алчными союзниками Ланкмара зерном, а не солдатами. — Слинур крикнул. — А Моварл уже выходит из терпения. Угрожает, что, если не будет зерна, он отзовет патруль, сдерживающий пиратов, объединится с кочевниками-минголами и напустит их на Ланкмар.

— Чтобы северяне, пусть даже не живущие в снегах, объединились с минголами? — возмутился Фафхрд. — Да быть того не может!

Слинур посмотрел на него и ответил:

— Вот что я скажу тебе, северный ты ледосос. Ежели б я не считал такой союз возможным, и даже весьма, и ежели б Ланкмар не находился поэтому в страшной опасности, то ни за что я не пошел бы с этим караваном — долг там не долг, честь не честь. То же самое и Льюкин, командор галеры. Кроме того, я не думаю, что в противном случае Глипкерио послал бы Моварлу в Кварч-Нар своих благороднейших дрессированных крыс и лакомую Хисвет.

Что-то проворчав, Фафхрд недоверчиво спросил:

— Так ты говоришь, что оба каравана пропали бесследно?

Шкипер отрицательно покачал головой:

— Первый — да. А обломок второго нашел один илтхмарец, шедший на торговом судне в Ланкмар. Это была палуба одного из зерновозов. Она была буквально оторвана от бортов — кто и как это сделал, илтхмарец даже боялся предположить. К чудом сохранившемуся куску поручней был привязан шкипер зерновоза, который погиб явно всего несколько часов назад. Лицо у него было обглодано, а тело буквально изжевано.

— Рыбы? — предположил Мышелов.

— Морские птицы? — выдвинул свою версию Фафхрд.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЧИ ЛАНКМАРА. Роман. <i>Перевод И. Русецкого</i>	5
МЕЧИ И ЛЕДОВАЯ МАГИЯ	243
Краткое содержание	245
Печаль палача. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	247
Красавица и чудовища. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	258
Ловушка Царства Теней. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	261
Приманка. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	268
Под пятой богов. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	272
Ловушка Моря Звезд. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	289
Ледяные монстры. Рассказ. <i>Перевод Т. Голубевой</i>	306
Льдистый остров. Повесть. <i>Перевод И. Шаргородской</i>	341
ВАЛЕТ МЕЧЕЙ. <i>Перевод Н. Масловой</i>	433
Краткое содержание	435
Морская магия. Рассказ	437
Морской оборотень. Повесть	458
Звездная болезнь и тихое помешательство. Повесть	492
Мышелов уходит вниз. Повесть	546

Лейбер Ф.

Л 42 Мечи Ланкмара. Сага о Фафхрде и Сером Мышелове. Кн. 2 : роман, повести, рассказы / Фриц Лейбер ; пер. с англ. Т. Голубевой, Н. Масловой, И. Русецкого, И. Шаргородской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 736 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-21848-2

За многие десятилетия до «Ведьмака» и Джорджа Мартина вселенной меча и магии правил Фриц Лейбер. В эту книгу вошли роман и заключительные два сборника произведений о приключениях любимых антигероев гранд-мастера — варвара-рубачи, умеющего недурно петь, и пронырливого воришки, владеющего приемами магии. Фэнтезийный дуэт, изначально задуманный автором в качестве тонкой пародии на говардовского Конана, быстро обрел собственную уникальную судьбу и столь же быстро прославился. В мрачном мире под названием Невон Фафхрд и Серый Мышелов без колебаний ввязываются в самые невероятные переделки, совершают чудеса выживания и никогда не теряют человечности и чувства юмора.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

МЕЧИ ЛАНКМАРА
САГА О ФАФХРДЕ
И СЕРОМ МЫШЕЛОВЕ

Книга 2

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.11.2022. Формат издания 60 × 90^{1/16}
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 46.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FFB-30806-01-R